

Сергеевич принял меня радушно, охотно делился планами и даже подробно рассказал, как поменяет интерьер и расставит мебель, заботясь о том, чтобы будущие посетители не испытывали неудобства. К сожалению, лишь немногие успели оценить его усилия.

Александр Виноградов: Цена успеха

Alexander Vinogradov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): The price of success

DOI: 10.31857/S2949124X25020114, EDN: DQHGMJ

В журнале «Отечественная история», как бы он в разные времена ни назывался, Сергей Сергеевич Секиринский был «душой» редакции. Его отличали эрудиция, такт и умение налаживать контакты с людьми, в том числе и с сотрудниками Института российской истории РАН. Благодаря ему в 1999 г. вышел номер журнала, посвящённый истории Крыма. Для него Сергей Сергеевич попросил меня написать очерк о ханах XVI в. До этого на страницах журнала история Крымского ханства фактически не освещалась. Перемены, происходившие в редакции в начале века, Секиринский переносил хладнокровно. Когда в начале 2007 г. директор Института А.Н. Сахаров объявил на заседании Учёного совета, при обсуждении раздела «разное», о назначении главным редактором А.Н. Медушевского, Сергей иронично отметил: «Теперь у нас два Андрея Николаевича — “большой” и свой “домашний”». С Медушевским он не конфликтовал, но и повлиять на его стиль руководства не мог.

Впрочем, в 2007–2008 гг. Сергея Сергеевича наверняка больше волновала судьба собственного журнала «Историк и Художник», основанного в 2004 г. О чём-то подобном он давно мечтал, но издателя встретил случайно. Это был человек весьма далёкий от исторической науки, однако с энтузиазмом желавший участвовать в её «популяризации». Как таковой ни редакции, ни редколлегии у журнала не было. Формально существовал Общественный редакционный совет, но на деле подбором авторов, редактированием текстов и вообще всем занимался только Сергей. Небольшой тираж (500 экземпляров) расходился мгновенно. Иногда часть его доставлялась по оказии в страны ближнего зарубежья. Так, сотрудники ИРИ РАН во время служебной командировки в Институт истории Белорусской академии наук передали несколько его пачек в минскую Национальную библиотеку.

Каждый новый выпуск презентовался и продавался на творческих вечерах, которые проходили в разных местах и собирали обычно толпу народа из разных научных учреждений, присоединялись к ней и «вольные художники». Естественно, Институт российской истории был представлен тут очень широко, причём почти всеми своими центрами и даже некоторыми их заведующими (А.П. Корелин, А.В. Голубев и др.). Вечера пользовались исключительной популярностью. По просьбе Сергея представители творческой интеллигенции самых разных взглядов делали на них доклады, касавшиеся историко-культурной проблематики. За обсуждением и оживлявшими публику конкурсами следовал фуршет, который опять же готовили Секиринские — сам Сергей, его жена и дети. Всегда было очень весело. Читались стихи собственного сочинения, велись дискуссии, выступали интересные люди, звучали песни под гитару. При-

существовавшие прекрасно проводили время, однако реальной помощи Сергей не ощущал и со временем стал глухо ворчать. Ни привлечь «спонсоров», ни выйти «на международную арену» не получалось.

Правда, интерес к журналу проявили поляки. В то время при польском посольстве кипела культурная жизнь: действовал Польский институт, который возглавлял амбициозный пан И. Граля, функционировало постоянное представительство Польской академии наук при РАН. Сотрудничество с Гралей у Секиринского не сложилось, зато атташе по культуре помог организовать выступление на вечере журнала режиссёра К. Занусси. К этому был приурочен особый «польский» номер, включавший статьи известных историков обеих стран. Впрочем, никакой ощутимой пользы, кроме приглашения на приёмы в посольстве, Сергею это не принесло. С поляками вообще случались казусы. Так, будучи демократом по убеждениям, Секиринский пригласил на один из вечеров проживавшего в России ветерана «Солидарности» М. Вилька — автора книги о русском Севере «Волок», а тот, недолго думая, достаточно злобно осудил политику правившего тогда в Польше режима, «пришедшего к власти на плечах рабочего класса» и «этот рабочий класс угробившего». Часть собравшихся, желавших услышать несколько иные вещи, немного сконфузилась. Тем не менее презентация «Волока» прошла в тот день с большим успехом.

К 2008 г. Сергей стал уставать. Между ним и издателем давно нарастало непонимание. В конечном итоге оно вылилось в конфликт, и журнал был закрыт. Это вызвало шок у публики, продолжавшей и после этого собираться на полюбившиеся вечера. Но Секиринский действительно хотел отдохнуть, и в 2011 г. даже покинул редакцию «Российской истории», сосредоточившись на научной работе в ИРИ РАН. Однако, когда год спустя Медушевский ушёл с поста главного редактора, общественность и новая дирекция Института единодушно желали видеть на освободившемся месте только Сергея Сергеевича. Его выдвижение превратилось в триумф с дифирамбами и поздравлениями (чего стоила одна только яркая речь С.В. Тютюкина). Сам же Секиринский, согласившись, радости не испытывал, поскольку понимал, что журнал ждёт непростые времена. Чувство ответственности и осознание масштаба проблем, решения которых все от него ждут, подрывали его здоровье. Вскоре последовала скоропостижная кончина. Большинство людей так и не поняли, какой чудовищной ценой давались ему его успехи и огромная популярность.

Дмитрий Рублев: Либеральные традиции и оригинальное творчество
Dmitry Rublev (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Liberal traditions and original creativity

DOI: 10.31857/S2949124X25020128, EDN: DQKRRC

На дворе осень 2000 г. Студенты II курса исторического факультета МГПУ обсуждают на семинаре по истории России биографию и идеи «неистового Виссариона», анализируют его легендарное письмо Н.В. Гоголю. Наш преподаватель, О.С. Кравченко, читает вслух выдержки из работы С.С. Секиринского. Так я впервые услышал фамилию своего будущего научного руководителя. В памяти осталось и сказанное тогда о нём: молодой и очень интересный автор